

НОВЫЙ БАУХАУЗ ЛАСЛО МОХОЛЬ-НАДЯ

H.H. Александров

4.3. Новый Баухауз в США

4.3.1. Первый блин комом

На самом деле ситуация была следующая: Вальтер Гропиус сам получил предложение возглавить Школу Дизайна в Чикаго. Но он уже и так занимал достаточно высокое место в образовательной иерархии – только что поступил на работу деканом архитектурного факультета в Гарвардском университете. Поэтому он тут же вспомнил о Ласло и их попытках возродить Баухауз в Великобритании. В авторитете и рекомендациях Гропиуса никто не сомневается, вот только в 1937 году Мохоль-Наль выезжал в Чикаго не по приглашению Гропиуса, а по приглашению Уолтера Папке, председателя Container Corporation Америки. Именно этот достаточно дальновидный человек смог реально помочь и Ласло, и своему городу, да и своей стране.

Кочевой период для Моголь-Надя закончился в 1937 году, когда он с семьей – жена и двое детей – переселился в Чикаго, под «Новый Баухауз».

Попытка возродить Баухауз, как мы увидим, была идеей-фикс не только для Гропиуса и Надя. О других странах и попытках мы упоминать не будем, поскольку тут важен прежде всего набор людей. А так вышло, что в конце тридцатых годов из мастеров Баухауза разными путями оказались в США очень многие: Вальтер Гропиус, Ласло Мохоль-Надь, Марсель Брёйер, Людвиг Мис ван дер Роэ, Герберт Байер, Йозеф Альберс, Вальтер Петерханс, Ксанти Шавинский, Хин Бреденник, Анди Шлитц и ряд других фигур масштабом поменьше, а также бывших студентов. Именно они передали Америке свой опыт и свою рафинированную культуру дизайна. К сожалению, среди них не было уехавшего во Францию Василия Кандинского и отсутствовал швейцарец Пауль Клее. В 1937 году в гитлеровской Германии их произведения появились вместе только на пропагандистской выставке «Дегенеративное искусство». Можно только порадоваться, что представленные авторы в Германии отсутствовали, их ждали бы концлагеря.

Рис. 104. Выставка «Дегенеративное искусство», 1937.

Идеи Гropиуса об интеграции дизайна и технологий, проектирования и производства, высказанные им еще в Манифесте 1919 года, таки нашли сторонников и среди представителей американской индустрии.

Импульс создать «Второй Bauhaus» исходил от «Чикагской ассоциации искусств и индустрии». Эта организация, объединявшая промышленных дизайнеров и представителей бизнеса по типу Веркбунда, одной из своих целей провозглашала развитие национальной школы дизайна. Наблюдая разницу между европейскими и американскими товарами и искусством, члены ассоциации видели, что стилистически Америка в основном топчется в эпохе позднего модерна или же подражает не лучшим образцам арт-деко.

Главным офисом школы стал особняк Прэри-Авеню, который архитектор Р.М. Хант проектировал для магната Маршалла Филда, владельца сети универмагов. Школа открылась в октябре 1937 года в этом особняке

Рис. 105. Новый Bauhaus в South Prairie Avenue, Chicago. Фото Надя, 1938.

На открытии был Вальтер Гропиус. А на первой встрече с чикагскими бизнесменами директор «Нового Баухауза» Надь говорил: «*С самого первого дня нашей задачей было воспитание дизайнеров для реальных требований современности, а не для ежедневной рутины. Поэтому мы должны ориентироваться на производственный процесс не только с позиций эстетики, но также науки, технологии, выбора материалов...*». Несмотря на явную ориентацию Нового Баухауза на нужды производства, многие члены Ассоциации опасались выделять средства на «педагогические эксперименты». В тот раз скептики оказались в меньшинстве, но ненадолго.

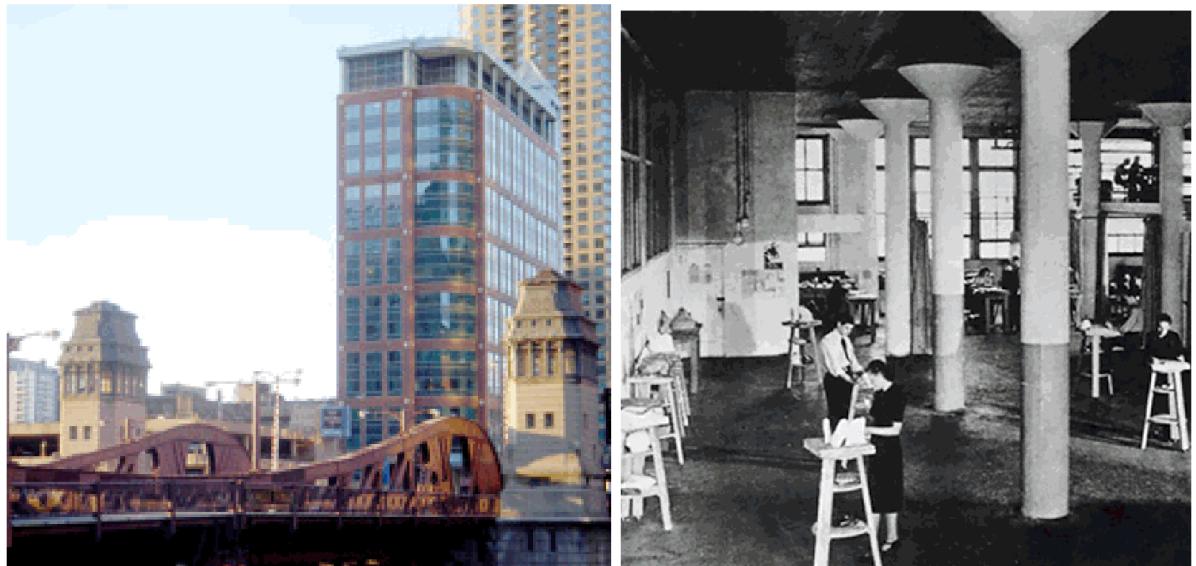
Назвать эту организацию последовательной языком не поворачивается. Пригласить арт-лидеров мировой величины, Гропиуса и Надя, с помпой открыть школу – это по-американски. Но через год та же Ассоциация приняла решение прекратить финансирование – вот это уже никудышняя политика, самодурством попахивает. Школа закрылась в 1938 году. Есть данные, что Надь и его эксперименты были тут вообще не при чем, поскольку, как сообщается в англоязычном источнике, «опекуны потеряли деньги школы на фондовых спекуляциях». Узнаю брата Васю!

Поэтому, несмотря на энтузиазм, с которым Мохоль-Надь принял предложение Ассоциации, трудности для него начались с самых первых шагов в становлении новой Школы. Ему и так было неуютно в Чикаго – «странный город <...> без культуры, но с миллионами начинаний...» характеризовал его Ласло. Видимо, «миллион начинаний», подобных этой школе, только отнимал энергию и время, а кончался тоже ничем.

Мохоль-Надю пришлось вернуться к привычной коммерческой работе. Любопытно, что Надь попутно устроился советником по вопросам искусства в «доме заказов по почте Шпигеля» в Чикаго. Выживать он научился.

Работа проектировщика спокойно могла его прокормить и без этих авантюри с местными болтунами из Ассоциации. Но будучи человеком идеи, он не оставлял попыток возродить Баухауз, хотя бы в Америке. Кстати, он мог обойтись и без Чикаго – был Гропиус с его связями и положением.

Лишь благодаря поддержке все того же Уолтера Папке (Walter Paercke) – директора «Container Corporation», *учебное заведение было вновь открыто годом позже*, в 1939 году. Насколько можно понять, это была уже частная школа самого Надя. Ее первым местом были несколько помещений бывшей пекарни на улице Онтарио.

Рис. 106. Новый Bauhaus, 1938. LaSalle Blvd, Chicago. Фото Мохоль-Надя.

Из названия было убрано раздражавшее многих имя «Баухауз». Те же американцы сегодня всячески подчеркивают имя и марку «Баухауз-2», проводят выставки первого набора и организуют общества – они это любят, но тогда название «Баухауз-2» их не устраивало. Интересно, чем?

С этого времени **официальным названием стало «Школа дизайна», а впоследствии «Институт дизайна»** (с 1944 года). В 1945 году Институт переедет во временное государственное помещение на улице Руш. И только в 1946 году Чикагский институт дизайна, наконец, переезжает в собственное здание бывшего дома исторического общества Чикаго на Дирборн-стрит (в приложении есть снимки этого здания).

Несмотря на возобновление части финансирования, и школа, и институт постоянно боролись за «выход в точку безубыточности». Эта задача легла на плечи Мохоль-Надя, который выполнял работу главного менеджера и ректора со всем присущим ему напряжением сил. Поэтому творчество его временно приостановилось, а здоровье стало ухудшаться.

О пользе маскировки

По требованию американской бюрократии в период войны в «Школе дизайна» преподавался курс маскировочных технологий. Характерно, что и в этой области Ласло Надь тоже стал во многом первооткрывателем.

В 1941 году мэр Чикаго включил Ласло в состав личных помощников. Мохой-Надь занялся камуфляжем, для чего неисчислимое количество раз вылетал на бомбардировщиках: он исследовал Чикаго с высоты полета реальных «бомбовозов», хотя в самолете его ужасно тошило – он страдал тяжелой формой «морской болезни». Тем не менее, Ласло разработал настолько совершенную систему камуфляжа, что она позволяла «исчезнуть» огромному озеру Мичиган: для этого на озере создавалась фальшивая береговая линия, искусственные острова и т.д. А уж фокус с исчезающим городом Чикаго, хотя по масштабу был не меньше, но технически проще.

Ему принадлежат разработки, позволяющие скрыть от глаз противника цилиндрические цистерны с топливом (или газгольдеры) – явная геометрическая мишень.

Рис. 107. Статья Л. Мохоль-Надя и Д. Кепеша о камуфлировании.

Журнал Civilian Defense, сентябрь 1942 г.

Этим авторитет школы в Чикаго укрепился. В 1942-м она стала «официальной школой специалистов по камуфляжу». И хотя в той войне до бомбардировок дело не дошло, политически Надь одержал важную победу.

4.3.2. Изменения в содержании и программах

С открытием школы Мохоль-Надь, наконец-то, приступил к разработке новой учебной программы, включавшей в себя предметы, всесторонне охватывавшие процесс дизайн-образования. Технологии, живопись, рисунок, скульптура, проектирование, фотография, визуальные коммуникации, архитектура, математика и физика – это список дисциплин, составивших расписание новой Школы. Преемственность учебного процесса и его связь с Bauhausом двадцатых-тридцатых годов были очевидны: директором был Ласло Мохоль-Надь, а в число преподавателей вошли Ксанти Шавинский, Хин Бреденник и Анди Шлитц. Из проживавших в Чикаго был еще русский скульптор Александр Архипенко (он печатался у Надя еще в венском «МА» 1919 года), а также философ Карл Моррис – один из основателей семиотики. Был и композитор (а также философ, поэт, музыковед, художник) Джон Кейдж, пионер в области алеаторики и электронной музыки (техника как инструмент). В экспериментах Кейджа 1946-48 годов фигурировало фортепиано, где между струн помещены бумага, скрепки, монеты и прочее, способное изменить звучание – по смыслу похоже на поздние картины Надя.

Модель учебного процесса в целом строилась на базисе «старого» Bauhausa. Явными новинками в расписании стали математика и физика (для развития аналитики), а позднее Мохоль-Надь ввел в учебный процесс даже курс кибернетики – берлинское увлечение тектологией Богданова даром не прошло. Хотя кибернетика Н. Винера значительно проще тектологии.

Установка нового Bauhausa все так же была направлена на освобождение творческого потенциала студентов на основе экспериментов с материалами и пространством и при помощи апробированных методов и форм «основного курса». В «основах конструкции», студенты знакомились с широким спектром материалов (дерево, фанера, пластик, текстиль, металл, стекло, гипс и т.д.). Они последовательно осваивали их структуру, фактуры, текстуры, их поверхностные свойства и спектр применения. А обучение методам обработки материалов стало более сложным, технологии развились.

Во время войны Надь вполне мог вспомнить послевоенную Германию с ее нищетой. Его ученики учились креативности на конкретике: изобретали деревянные пружины для матрасов – взамен дефицитных металлических, инфракрасные печи из сгоревших отбросов техники, и т.п. Умение изобретать понималось им как главное креативное свойство проектировщика.

Из базового курса возникали различные семинары, такие как «Свет, фотография, кино, реклама», «Текстиль, ткачество, мода», «дерево, металл, пластмасса», «Цвет, покраска, отделка» и «архитектура». Эти семинары могли идти в течение всего учебного курса или проходили до исчерпания темы или интереса.

Гораздо больше внимания уделялось естественным и гуманитарным наукам, а также фотографии – она стала играть более видную роль в школе дизайна в Чикаго, чем это было в Германии даже после Надя, когда там стали преподавать фотодело. Изменилась сама ситуация в мире: фотография стала массовой и столь же массовым было ее коммерческое и рабочее применение. Фотография усложнилась технически, но упростилась в обработке – появился массовый сервис – и к тому же стала цветной.

Курс фотографии под руководством таких преподавателей, как Дьердь Кепеш, Наташ Лернер, Артур Зигелевых или Гарри Каллахан, считают самым важным достижением чикагского Bauhausa. Он, несомненно, привел к расцвету фотоискусства в Чикаго в 1950-1960-х годах. Но такой всплеск искусства фотографии, с другой стороны был обусловлен работой в Чикаго Art-Instituta, с его богатейшей коллекцией фотографии, и еще – активностью фотографического общества. Тем не менее, настоящую рафинированность ему придала деятельность Школы дизайна Надя и читаемые там курсы, не только фототехники, но и композиции, истории искусств и т.д. Подъем был очевиден, и потому даже после Мохоль-Надя в фотография оставалась одной из приоритетных творческих дисциплин в Чикагском институте дизайна.

Примером плодотворного развития в школе стал путь Гарри Каллахана.

Рис. 108. Гарри Каллахан. Chicago, 1950.

Во время преподавания в «Новом Баухаузе» Г. Каллахан работал со студентами второго курса, которые прошли основы пропедевтики. Именно здесь он сформировал свой метод, который перенес потом в Школу дизайна Род-Айленда. Сам Каллахан отмечал, что всегда старался развить основные достижения образовательной системы Моголь-Надя, усилив их более широкими и разнообразными подходами к искусству фотографии. Для американцев Каллахан – это мэтр фотографии, воспитавший вокруг себя яркую художественную школу. Но без школы Надя его могло бы и не быть.

Если на раннем этапе Мохоль-Надь мог рассчитывать на помощь выходцев из Баухауза, таких как Хин Бредендиц (Hin Bredendieck), Марли Эхман (Marli Ehrmann) и других эмигрантов из Баухауза, то постепенно штат сотрудников пополняется и американцами, в том числе, выпускниками самой школы – их привлекала атмосфера творчества, всегда возникавшая вокруг Надя. Так метод и цель школы адаптируются к американским реалиям.

Мохоль-Надь продолжал снимать фильмы на короткие 16-мм пленки, в том числе – **серии о Школе (Институте) дизайна**. Большинство из этих поздних пленок были в цвете, но вроде бы без звука. Пленки не просто фиксировали деятельность и продукцию Школы, они использовались им в качестве рекламных материалов: он читал лекции, демонстрируя эти фильмы, когда путешествовал по стране для рекламы школы и обеспечения набора.

Книга-завещание

Ласло развел и раскрыл учебный план и метод работы Школы дизайна в своей книге «*Видение в Движении*». В ней он рассматривает виды искусств по отдельности и в их синтезе, но, что самое важное, открывает перед читателем многие грани социальной активности человека. Надь был не только художником, фотографом, кинорежиссером и т.д., но и педагогом – в книге ценен не только тонкий анализ, но и ее просветительский характер. Философские аспекты, которые его тогда занимали, были в то время новыми.

По тем временам это издание было необычным. Книга со множеством иллюстраций, которые содержательно играют с текстом, дополняя друг друга. Он готовил ее не торопясь, тщательно, и даже «отложил смерть на год», чтобы ее закончить – прошел тяжелейший курс лечения.

В итоге Надь представила миру *иное видение* XX века. Методологически новым тут является представление процесса искусства в непрерывном движении и развитии. Надь ни разу не ошибся в тенденциях. И будучи человеком, смотревшим в будущее, он видел то, чего и сейчас нет.

В книге, которая воспринимается как его завещание, он обобщил свое кредо и путь в искусстве. Эта последняя книга излагает его образовательную философию, которая материализована в учебной программе и продуктах школы. До настоящего времени она остается лучшим руководством по достижению поставленных образовательных целей и своеобразным каталогом достижений Института дизайна под руководством Мохоль-Надя.

Ласло часто призывал своих учеников смотреть на мир глазами ребенка, который еще не имеет предвзятых «правильных» представлений – как делать, как рисовать, как строить. Ведь только в этом случае человек способен удивляться обычному и вообще открывать новое. Классы, специально разработанные для детей младшего возраста, были важной частью школы дизайна и частью его программ почти с самого начала его преподавания, еще в первом Баухаузе. Этим же призывом пронизана и его последняя книга – будьте как дети.

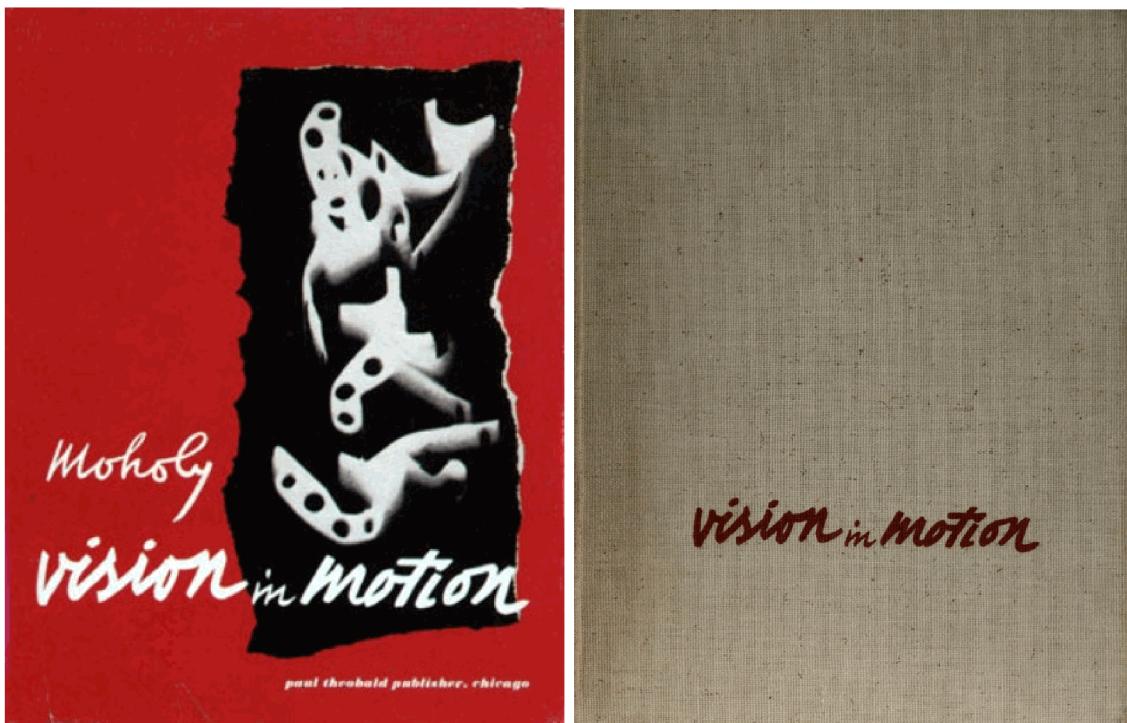

Рис. 109. «Видение в движении»: суперобложка и тканевая обложка. 1947.

4.3.2. После него

Зимой 1945 года Мохоль-Надю был поставлен диагноз – лейкемия. Он прошел рентгеновские процедуры, что позволило ему продлить его нечеловеческий по нагрузке график на один год.

Ласло умер 24 ноября 1946 года в трагически раннем возрасте 51 год. Его прах похоронен на кладбище Грокеланд в Чикаго.

Рис. 110. Могила Ласло Моголь-Надя.

Когда не стало отца-основателя, институт постепенно начал терять самостоятельность. Происходило это примерно десятилетие.

Преемник Надя на посту главы Института дизайна, Серж Чермаев (Chermayeff), достаточно долго следовал и первоначальным установкам Баухауза, и новой программе Надя, направленной на воспитание широко ориентированный универсальных мыслителей и художников. Но это было возможно до тех пор, пока институт имел самостоятельность. В 1949 году институт дизайна вошел в состав Иллинойского Технологического института. Руководил этим институтом Людвиг Мис ван дер Роэ, бывший третий директор немецкого Баухауза: знакомые все лица, но уже совсем другая история – история наследства. Ситуация в Штатах стала иной к 1950-м годам, да и прочий мир уже сильно модифицировался.

Наиболее радикальные изменения в структуре учебных программ института произошли после 1955 года, когда директором стал промышленный дизайнер Джей Доблин. Упор делался им на экономическую применимость проектов. Большая машина технологического института Иллинойса адаптировала Институт дизайна в Чикаго, хотя он и ценится по сей день как уважаемая и профессионально ориентированная школа дизайна. К чести школы, Институт Дизайна в Чикаго стал первым учреждением в Соединенных Штатах, которое осуществляет подготовку докторов философии в дизайне.

Не подвергается сомнению, что Чикагская школа (Институт) дизайна оказала существенное влияние на американский дизайн и культуру в целом. Но это особая тема продолжений и культурных влияний.

Обе книги Л. Моголь-Надя по методике преподавания дизайна после войны повсеместно использовались в колледжах и университетах США – и не только там – как основополагающие учебные пособия по дизайну. Их читают и сейчас, причем, не считают устаревшими. Они в списках рекомендованной литературы на первых местах.

Переведите же их, наконец!